

И. Ю. Лученецкая-Бурдина, А. А. Федотова

Традиции пародийного романа Л. Стерна в прозе Н. С. Лескова

Статья посвящена актуальному вопросу анализа поэтики позднего творчества Н. С. Лескова. Последнее художественное произведение писателя – повесть «Заячий ремиз» (1894) – рассматривается в ней в новом аспекте: с точки зрения актуализации стернианской традиции пародийного романа. Авторское соотношение этого текста с прозой Л. Стерна акцентирует его принадлежность к комической литературе. В результате анализа нарративной организации текста устанавливается, что в повести Лескова происходит конкретизация жанровой модели романа-жизнеописания, которая выступала мишенью для пародийных выпадов Стерна. Объектом пародии в «Заячьем ремизе» выступает такая популярная в русской литературе XIX разновидность жизнеописательного романа, как роман-воспитание. Значение и характеристики нарратора в «Заячьем ремизе» также оказываются весьма сходными с функциями и образом рассказчика в романе Стерна. Главной ролью нарратора-протагониста является организация повествования, в то время как его функционирование в качестве объекта повествования и двигателя сюжета отходит на второй план. Для повести свойственна ситуация постоянного комментирования нарратором хода собственного повествования и столь же неизменного опровержения этого комментария самим рассказом. Действия нарратора-протагониста в тексте не приводят ни к каким реальным изменениям, что демонстрирует мнимость событийного ряда повести и ее интриги. Сюжет повести носит предельно субъективный характер: мало связанные между собой события сопрягаются лишь в воображении нарратора. Значение последнего как организатора повествования сводится к тому, чтобы пустить предполагаемого адресата текста «по ложному следу». Дискурсивные ожидания читателя текста постоянно вступают в противоречие с эмпирикой сказовой наррации.

Ключевые слова: Лесков, «Заячий ремиз», Стерн, повествовательная организация, нарратор, интертекстуальность, пародия.

I. Ju. Luchenetskaya-Burdina, A. A. Fedotova

Traditions of L. Sterne's Parody Novel in N. S. Leskov's Prose

The article is devoted to the urgent task, which is to analyze Nikolay Leskov's latest works poetics. Leskov's last short novel «Zayachiy remiz» is discussed from a new point of view: the authors' main aim is to find out the result of Laurence Sterne's novel «Tristram Shandy» influence on the poetics of Leskov's short novel. The narrative analysis of Leskov's short novel helps to understand, that «Zayachiy remiz» is a parody to the autobiographical novel. The narrator's main functions are the same, as those in Sterne's novel. Although the narrator is a protagonist, his central role is to organize the narration. The narrator's value as the object of narration and the engine of the plot is minor. «Zayachiy remiz» is characterized by the following situation: the narrator persistently comments on his story, however the events, which form this story, contradict his explanation. The narrator-protagonist's acts don't lead to any «real» result, which reveals the ostensibility of the chain of events and of the plot. The plot of Leskov's short novel is subjective: little related events are connected only in the narrator's imagination. The role of the protagonist as the narration organizer is to lead the reader into error. The reader's discursive expectations constantly conflict with the empirics of the narration.

Keywords: Leskov, «Zayachiy remiz», Sterne, narrative, narrator, intertextuality, parody.

Одним из наиболее сложных в повествовательном плане произведений Лескова является повесть «Заячий ремиз» (1894). В известном письме к редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу автор дал ей следующую показательную характеристику: «Писана эта штука манерой капризною, вроде повествований Гофмана или Стерна с отступлениями и рикошетами» [5, с. 606]. Упоминание имени Стерна в контексте «Заячьего ремиза» неслучайно. Слова Лескова указывают тот ракурс, в котором его повесть может быть сопоставлена с работами Стерна: нарративный аспект. Рассмотрим своеобразие нарративной организации текста и определим характер обращения Лескова к прозе английского писателя.

Лесков, будучи большим поклонником творчества Стерна, особенно ценил роман последнего «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» (1760–1767). Известно, что повесть «Очарованный странник» была впервые напечатана под заглавием «Очарованный странник, его жизнь, опыты, мнения и приключения», что недвусмысленно отсылало к названию произведения Стерна [4, с. 424]. Отсылки к «Жизни и мнениям Тристрама Шенди» часты на страницах художественной и публицистической прозы Лескова. Так, в ироничной характеристике «углекислых фей Чистых прудов» сестер Ярославцевых (роман «Некуда») подчеркнуто, что «Судьба их некоторым образом имела нечто трагическое и общее с судьбою Тристрама Шенди. Когда они

только что появились близнецами на свет, повивальная бабушка, растерявшись, взяла вместо пеленки пустой мешочек и обтерла им головки новорожденных. С той же минуты младенцы сделались совершенно глупыми» [3, с. 311].

В сознании Лескова роман «Жизнь и мнения Тристрама Шенди» тесно ассоциировался с игровой, комической литературой. В очерке «Литератор-красавец» из цикла «Летопись литературных странностей и безообразий» Лесков критикует статью Н. И. Соловьева «Идеалы» («Всемирный труд») за то, что в ней «за сериоз рассказывается, что в литературе англичан почти не было цинизма, когда в той литературе есть Свифт, Стерн» [2, с. 562]. Среди записей в «Книге» Савелия Туберозова (хроника «Соборяне») имя Стерна также появляется с указанием на юмористический характер его прозы: «Припоминаю <...> книжечку английского писателя, остроумнейшего пастора Стерна, под заглавием “Жизнь и мнения Тристрама Шанди”, и заключаю, что по окончании у нас сего патентованного нигилизма ныне начинается шандиизм <...> сей Шанди говорил: “Если бы мне, как Санхе-Пансе, дали выбирать для себя государство, то я выбрал бы себе не коммерческое и не богатое, а такое, в котором бы непрестанно как в шутку, так и всерьез смеялись”» [6, с. 73].

Есть все основания считать, что, указывая на Стернианский контекст повести «Заячий ремиз», Лесков также имел в виду свой любимый роман. Как известно, одним из вариантов названия произведения было «Оноприй Перегуд из Перегудова: его жизнь, опыты и приключения» [5, с. 606]. Этот заголовок, как и первоначальное название «Очарованного странника», прозрачно намекал на роман Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди». Впоследствии Лесков изменил название повести, однако не отказался от этой принципиальной для него фразы, переместив ее в подзаголовок в следующей формулировке: «Наблюдения, опыты и приключения Оноприя Перегуда из Перегудов».

Название, выбранное Стерном для романа, показательно. В произведении английского писателя происходит комическое переосмысление популярного в XVIII в. жанра романа-автобиографии. Направление жанровой трансформации задается заголовком: вместо распространенного варианта «Жизнь и приключения...» (ср. вымышленный роман Д. Дефо «Жизнь, необыкновенные и удивительные приключения Робинзона Крузо...» (1719), мемуарный роман А. Т. Болотова «Жизнь и приключения Андрея Болотова. Описанные самим им для своих по-

томков» (1789–1816) и др.) Стерн озаглавливает свое произведение как «Жизнь и мнения Тристрама Шенди». Это изменение принципиально: событийное начало в романе значительно ослабевает, акцент в повествовании смещается на изображение манеры речи и особенностей кругозора субъективного нарратора.

Подзаголовок Лескова демонстрирует наиболее общую связь «Заячьего ремиза» с повестью Стерна. Прежде всего, писатель ставит на первое место слово «наблюдения», тем самым подчеркивая значительную субъективность точки зрения нарратора, которая будет господствовать в произведении. Введенное в жанровое определение повести слово «приключения» связывает текст с традицией авантюрного романа-биографии. Добавленное же Лесковым слово «опыты» вносит в подзаголовок игровое начало. Аллюзия к известному жанру философской литературы Просвещения (представленному, например, «Опытами» М. Монтеня) делает определение жанра повести внутренне противоречивым. Контаминация в названии двух противоположных жанровых форм (авантюрной и философской) рождает комический эффект. Комизм усиливается благодаря тому, что подобное «сгущение» обнажает архаичность жанрового обозначения повести.

Заданный подзаголовком стернианский контекст «Заячьего ремиза» имеет значение для понимания специфики поэтики повести. Прежде всего, он связан с образом нарратора. В традиционном романе-жизнеописании «от первого лица» диегетический нарратор являлся одновременно и главным героем повествования, то есть нарратором-протагонистом. Однако в «Жизни и мнениях Тристрама Шенди» нарратор, заявленный как главный герой, остается, по сути, непричастным очевидцем. Характерно, что пятисотстраничный роман Стерна оканчивается в тот момент, когда траму Шенди исполняется пять лет. Повествователь, рассказывающий о событиях, хотя и присутствует в мире диегесиса, никакого диегетического значения, по сути, не имеет.

В «Заячьем ремизе» повествование вторично нарратора ведется в форме характерного сказа. Лесков прибегает к использованию свойственного для романа-автобиографии типа диегетического повествования: Оноприя Перегуд функционирует как нарратор-протагонист, именно он является центральной фигурой диегесиса, главным героем. Повествуя о самом себе как о фигуре диегесиса, Перегуд одновременно выступает в двух планах – и в повествовании (как его субъект), и в повествуемой истории (как объект).

Наиболее ощутимо влияние повествовательной манеры Стерна на рассказ о детстве и взрослении Перегуда. В экспозиционных главах повести Лескова диегетический нарратор функционирует как субъект повествования, роль же его как объекта повествуемой истории минимальна. Событийность этих глав повести ослаблена: центральное место в ней отводится диалогам героев. Основным способом введения текста персонажей в текст нарратора является прямая речь, что соответствует своеобразию нарратива в романе Стерна.

В романе Стерна основная «событийная» линия – жизнеописание Тристрама Шенди – постоянно прерывается разного рода отступлениями, внесюжетными эпизодами, экстрадиегетическими комментариями. Особенность нарратора повести «Заячий ремиз» как субъекта повествования также заключается в том, что ему принадлежат многочисленные комментарии метатекстового характера.

Метатекстовый план повести направлен на соотнесение рассказываемой нарратором истории с романом-жизнеописанием. Функцию экспозиции вторичного повествования нарратор определяет как описание «места рождения» [1, с. 509] героя. За ним следует рассказ о «мирных и премирных временах <...> пресчастливейшего детства» [1, с. 510] Перегуда, «сказ» о его «воспитании» [1, с. 510] и последующей за ним службе. В пояснениях нарратора разрозненные факты биографии осмысляются как последовательные этапы становления его личности, отдельные события превращаются в связанные этапы целостного повествования.

Между тем, собственно событийное наполнение композиционной схемы романа-жизнеописания в повести «Заячий ремиз» достаточно своеобразно. Так, обещаемое нарратором описание места его рождения сводится к указанию на следующую комическую «особенность <...> села Перегуды» [1, с. 510]: «У нас в одном селении <...> было аж одиннадцать помещиков <...> и все-то домики по большей части были зворожены окнами на большой пруд <...> перегудинские паны <...> купались себя прямо с бережка <...> и не закрывались <...> а иные даже и нарочито друг другу такое делали, что если один с гостями на балкон выйде, то другой, который им недоволен, стоит напротив голый» [1, с. 510]. Рассказ о «временах детства» Перегуда представляет собой полный юмористических деталей диалог между отцом протагониста и его школьным другом архиереем. Для повести в целом характерно

несоответствие между метатекстовым и собственно повествовательным (событийным) рядами.

В идеологическом ракурсе субъекта повествования его повесть соответствует схеме такой разновидности жизнеописательной литературы, как роман-воспитание. Так, Лесков вводит в повесть следующий показательный экстрадиегетический комментарий нарратора: «Для меня с сей поры кончилось время счастливого и беззаботного детства и началось новое жительство при архиерейском доме, где я получил воспитание и образование по сокращенному методу <...> И на сем месте обозначается естественный перелом в моем житии, ибо до сей поры я созрел в домашнем своем положении, какое получил по рождению своему в моем семействе, а отсюда уже начинается умственное и нравственное мое развитие, составляющее как бы вторую часть моей биографии, впоследствии еще подразделяемую и на третье» [1, с. 515]. Включение повествования о взрослении героя и его зрелости отличает сюжетную структуру «Заячьего ремиза» от романа Стерна. Этот значимый хронологический этап сюжетной схемы жизнеописательной прозы приобретает у Лескова значение «испытания» героя, что свойственно роману-воспитанию. Этап испытания героя представляет собой наиболее событийно насыщенную часть повести. Именно в этом фрагменте текста нарратор в полной мере выполняет функцию протагониста: он становится центральной фигурой диегесиса и главной движущей силой сюжета. Такие функции не были свойственны нарратору в романе «Жизнь и мнения Тристрама Шенди».

Основным приемом организации наррации в этой части повести является умолчание: я-повествуемое полностью переходит на точку зрения я-повествуемого, благодаря чему поддерживается событийная интрига. Стержень интриги связан с попытками протагониста «уловить потрясателей». Слияние точек зрения я-повествуемого и я-повествуемого позволяет Лескову построить кульминационный эпизод текста по принципу новеллы. Раскрываемые в финале повести подробности (открытие того, что «потрясателем» был кучер главного героя «Теренька») оказываются решающими для определения статуса предшествующего повествования, требуя пересмотра всех изложенных событий с новой точки зрения. Как известно, необходимым условием события в повествовательном дискурсе является фактичность (естественно, в рамках фиктивного мира художественного текста) и результативность [8]. Между тем, в свете внезапно обнаруженного в финале факта становится оче-

видным, что статусом «события» все предшествующие изменения в жизни героя обладали лишь в его субъективном кругозоре. Неожиданное открытие ограниченности господствующего на протяжении основного корпуса повести ракурса изображения является значимой мотивировкой, благодаря которой нарратор-протагонист наделяется статусом безумца.

Повесть Лескова «Заячий ремиз» входит в ряд комических произведений писателя. Авторское соотнесение этого текста с прозой Л. Стерна акцентирует его принадлежность к пародийной литературе. В повести Лескова происходит конкретизация жанровой модели романа-жизнеописания, которая выступала мишенью для пародийных выпадов Стерна. Объектом пародии в «Заячьем ремизе» выступает такая популярная в русской литературе XIX разновидность жизнеописательного романа, как роман-воспитание. Хронологическая композиция повести соответствует подобной жанровой модели. Однако событийное наполнение вступает с ней в противоречие: вместо описания места рождения и детства героя следует ряд двусмысленных анекдотов, повествование о «нравственном и духовном росте» Перегуда оборачивается пародийным рассказом о его учителе, а «событийная насыщенность» кульминационных эпизодов испытания героя оказывается мнимой.

В связи с этим роль нарратора в «Заячьем ремизе» оказывается весьма сходной с функциями рассказчика в романе Стерна. Для повести характерна ситуация постоянного комментирования нарратором хода собственного повествования и столь же неизменного опровержения этого комментария самим рассказом. Действия нарратора-протагониста в тексте не приводят ни к каким реальным изменениям, что демонстрирует мнимость событийного ряда повести и ее интриги. Сюжет повести носит предельно субъективный характер: мало связанные между собой события сопрягаются лишь в воображении нарратора. Роль последнего как организатора повествования сводится к тому, чтобы пустить предполагаемого адресата текста «по ложному следу». Дискурсивные ожидания читателя текста постоянно вступают в противоречие с эмпирикой сказового повествования.

Библиографический список

1. Лесков, Н. С. Заячий ремиз [Текст] / Н. С. Лесков // Лесков, Н. С. Собрание сочинений: в

11 т. – Т. 9. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. – С. 501–590.

2. Лесков, Н. С. Летопись литературных странностей и безобразий [Текст] / Н. С. Лесков // Лесков, Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Т. 5. – М.: ТЕРРА, 1998. – С. 552–572.

3. Лесков, Н. С. Некуда [Текст] / Н. С. Лесков // Лесков, Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Т. 4. – М.: ТЕРРА, 1997. – С. 9–659.

4. Лесков, Н. С. Очарованный странник [Текст] / Н. С. Лесков // Лесков, Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Т. 12. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2014. – С. 66–185 (423–443).

5. Лесков, Н. С. Письма 1881–1895 годов [Текст] / Н. С. Лесков // Лесков, Н. С. Собрание сочинений: в 11 т. – Т. 11. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. – 863 с.

6. Лесков, Н. С. Соборяне [Текст] / Н. С. Лесков // Лесков, Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Т. 11. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2012. – С. 7–289.

7. Стерн, Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена [Текст] / Л. Стерн. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1968. – 542 с.

8. Шмид, В. Нарратология [Текст] / В. Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Leskov, N. S. Zajachij remiz [Tekst] / N. S. Leskov // Leskov, N. S. Sbranie sochinenij: v 11 t. – T. 9. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1958. – S. 501–590.

2. Leskov, N. S. Letopis' literaturnyh strannostej i bezobrazij [Tekst] / N. S. Leskov // Leskov, N. S. Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. – T. 5. – M.: TERRA, 1998. – S. 552–572.

3. Leskov, N. S. Nekuda [Tekst] / N. S. Leskov // Leskov, N. S. Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. – T. 4. – M.: TERRA, 1997. – S. 9–659.

4. Leskov, N. S. Ocharovannyj strannik [Tekst] / N. S. Leskov // Leskov, N. S. Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. – T. 12. – M.: Knizhnyj Klub Knigovek, 2014. – S. 66–185 (423–443).

5. Leskov, N. S. Pis'ma 1881–1895 godov [Tekst] / N. S. Leskov // Leskov, N. S. Sbranie sochinenij: v 11 t. – T. 11. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1958. – 863 s.

6. Leskov, N. S. Soborjane [Tekst] / N. S. Leskov // Leskov, N. S. Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. – T. 11. – M.: Knizhnyj Klub Knigovek, 2012. – S. 7–289.

7. Stern, L. Zhizn' i mnenija Tristrama Shendi, dzhentl'mena [Tekst] / L. Stern. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1968. – 542 s.

8. Shmid, V. Narratologija [Tekst] / V. Shmid. – M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2003. – 312 s.